

Из школы Наташа пришла совершенно разбитая. В доме — холодная тишина. На столе записка на зеленой тетрадной корочке: «Наташа, я сегодня дежурная на работе. Принеси дров. Мама».

Девочка согрела себе чаю, отрезала толстый, с кисловатым запахом кусок хлеба. Хлеб со сладким чаем — самое любимое ее блюдо. Но сегодня оно оказалось не вкуснее остывшей манной каши, которую дают в школе.

Обычно, перекусив, она сразу же садилась за уроки, чтобы осталось побольше свободного времени на вечер. Но сегодня не хотелось. Она свернулась в комочек в стареньком низком кресле и зачем-то стала смотреть в окно на соседский дощатый забор через дорогу, наизусть уже изученный ею до последнего пятныш-

ка от сучка. Ничего не хотелось. Даже пошевелиться лишний раз, чтобы поудобнее уложить голову.

А виной всему было дефиле шляпок.

В конце учебного дня классная руководительница Светлана Михайловна велела никому не расходиться. Она была совсем еще молодой, только после института, и очень красивой с длинной темной косой на плече. Весь пятый класс дружно обожал ее.

— Ребята, приближается Восьмое марта, — объявила она. — В школе будет вечер, и от нашего класса требуется подготовить какой-то номер. Я предлагаю устроить дефиле шляпок. Только не обычное дефиле, а танец-дефиле. Как вам такое предложение?

Класс обрадованно загалдел.

— Я думаю, у всех девочек найдутся красивые платья, — радостно и уверенно продолжала Светлана Михайловна. Было видно, что ей эта идея очень нравится и что она сама была бы не прочь пройтись в шляпке по подиуму. — А если у кого-то нет шляпки, то ее можно сделать своими руками, так будет еще интереснее.

По кабинету зазвенели возбужденные девчоночьи голоса.

— У меня есть шляпка!

— И у меня есть!

— А мне как раз хотели купить!

— Мне тоже купят!

— А мы с мамой сами сделаем!

Учительница улыбалась, глядя на то, какой живой интерес вызвало ее предложение.

Наташа замерла на своем месте за третьей партой, прислонившись к стене. Ей казалось, что сейчас кто-нибудь обязательно спросит, есть ли у нее шляпка и платье. Как жаль, что люди не умеют незаметно растворяться в стенах...

Назначив репетицию на четыре часа, Светлана Михайловна распустила класс по домам. Наташа вместе со всеми пошла в раздевалку, надела свою грязно-голубую куртку, завязала на худенькой шее длинный красный шарф, закинула на спину набитый до отказа ранец и вдруг решила вернуться и честно сказать учительнице, что не сможет принять участие в дефиле. Она бросилась наверх, но дверь кабинета уже оказалась заперта.

Мама долго не возвращалась с работы. Наташа все-таки заставила себя сделать уроки, натаскала несуразно-корявых, облепленных снегом дров, с которых потом натекла длинная лужица до самой середины кухни. Включила свет в обеих комнатах, когда уличная темнота тяжело навалилась на их маленький домик, и его стены начали пощелкивать от натуги. Жаль, что телевизор сломался. Все-таки, когда в доме звучат человеческие голоса, делается уютней и веселей.

В такие часы Наташа обычно спасалась мечтами. Она с наслаждением погружалась в это особое состояние, в это иное пространство, в котором все происходило так, как ей хотелось.

В последнее время ее стали частенько посещать мысли о папе. Ведь где-то же он был, ее папа. Не может же быть, чтобы он совсем-совсем не помнил свою дочь и не хотел приехать. И как у других детей бывают любимые мультфильмы, которые хочется просматривать снова и снова, так у нее были любимые мечты.

В голове частенько прокручивалось одно и то же: вот она стоит на перекрестке и встречает городской автобус. Автобус показывается вдалеке, подъезжает, устало вздымая боками, сворачивает на обочину и с шипением открывает двери. Из салона начинают выходить люди. Разные люди: и мужчины, и женщины. Они выходят и выходят, выходят и выходят, а Наташа смотрит на них во все глаза. Она твердо знает, что на этом автобусе приехал папа, так же, как и то, что среди вышедших его пока нет. Рядом ехидно перешептываются Дашка Сорокина и Лизка Пирогова — самые зазнавшиеся девчонки в классе. Наташа их за это терпеть не могла.

— Нет у нее никакого отца! — отвратительно морщат они свои носы, которые имеют обыкновение засовывать всюду, куда надо и куда не надо. — Врет она все!

И тут перед ними появляется высокий, плечистый, статный мужчина. Наташа сразу же узнает его, хоть и не видела ни разу в жизни. Он тоже узнает ее. Сбрасывает с плеча на землю дорожную сумку и подхватывает Наташу большими, сильными руками:

— Здравствуй, доченька! Вот я и приехал!

Она обнимает его за шею и с торжеством смотрит на Лизку с Дашкой. А у тех от удивления такой вид, словно они собствен-

ными языками подавились. Потом папа ставит ее на землю, и они отправляются домой. Навстречу им то и дело попадают соседи, одноклассники и даже Светлана Михайловна, все смотрят с удивлением и любопытством... А она идет гордая и счастливая, и всем своим видом словно бы говорит: «Не верили, что у меня есть отец? Вот, смотрите!»

Как-то еще совсем маленькой Наташа увидела по телевизору одного актера. Он был такой красивый, что у нее аж дыхание перехватило: светловолосый, голубоглазый, с правильными чертами лица. «Как мой папа!» — почему-то подумала тогда она. С тех пор и представляла его таким. Ее воображаемый отец совсем не был похож ни на одного из тех мужчин, что изредка приезжали к маме. Все они были по-своему некрасивы: у кого нос огромный, у кого зубов не хватает, у кого еще что. Мама знакомилась с ними по телефону и зачем-то приглашала в гости. Они появлялись на день-два, и она делалась необычайно веселой и неприятно-чужой. Наташа напускала на себя равнодушный вид, но на самом деле ей ужасно не нравилось присутствие в доме этих гостей, хоть они и пытались задобрить ее шоколадками или деньгами. Она подолгу гуляла на улице, зимой — пока не начинали коченеть ноги, летом — пока окончательно не темнело. Когда становилось совсем невмоготу, она, стараясь сделаться незаметной, заходила в дом, и, торопливо выпив стакан чая с хлебом, пряталась под одеялом и давала там волю мечтам.

Был у нее и другой герой «видений» собственной режиссуры — Сашка Лазарев — белобрысый симпатичный мальчик с особенной улыбкой. Больше всего ей нравился эпизод, когда они вместе шли из школы.

Им было по пути, только ее дом находился намного дальше. Они шагали не торопясь и болтали о всяких пустяках. Поравнявшись со своим домом, он приостанавливался было, но потом вдруг махал рукой:

— Не хочу домой. Лучше прогуляюсь.

На этом месте у нее всегда начинало трепетать сердце.

Они шли дальше, и чем ближе становилось окончание их совместной прогулки, тем молчаливее и скованней становился он.

— Скажи, а у тебя есть кто-нибудь? — решался он, наконец, на самый важный вопрос.

— Нет, — отвечала она, а сердце уже тарабанило, как обезумевшее.

— Тогда... давай встречаться.

Что означает слово «встречаться», Наташа толком не знала, но встречаться с Сашкой ей очень хотелось, поэтому она, специально помедлив, будто обдумывает его предложение, отвечала смущенно:

— Ну... давай.

В сенях скрипнула дверь. Это пришла мама. Она впустила в дом дымчатое холодное облако, по-кошачьи дожидавшееся под дверью. Устало сняла и повесила на гвоздь рабочую куртку, насквозь пропахшую коровами и фермой. Наташа обожала этот запах — запах маминого возвращения.

— Ты ела? — осведомилась мама первым делом. И вторым: — Уроки выучила? — И сразу же занялась печкой.

Наташа наблюдала за мамиными суетливо-сердитыми движениями с все нарастающим в груди волнением. Собиралась с духом рассказать ей про дефиле шляпок. Впрочем, пока печь не растопится, начинать такой важный разговор не стоило. Обычно мама не могла растопить ее ни с первого, ни со второго раза, и из-за этого злилась на все вокруг.

Когда печь обрадованно загудела, защелкала от удовольствия, как проголодавшийся зверь, которого наконец-то накормили, Наташа решила:

— Мама, у нас на Восьмое марта будет дефиле шляпок.

Мама вопросительно подняла на нее устало-отрешенные глаза.

— Мне нужно платье, — посмотрев в эти глаза и догадавшись, каким будет ответ, все же договорила девочка. — И шляпка. Светлана Михайловна сказала, что шляпку можно сделать самим.

— Вот и пусть делает, если она такая умная! — отрезала мама. Но, видимо, тут же пожалев о своей резкости, умоляюще стала звать к разуму дочери: — Ну ты же понимаешь, что у нас нет сейчас денег. Я же не сделаю тебе шляпку из воздуха, для этого

тоже нужно купить какой-то материал. Не говоря уже о платье. Просто не ходи на это дефиле и все.

«Почему у нас никогда нет денег? — хотела взбунтоваться Наташа. — У всех есть, а у нас нет?» — но не успела.

У мамы пиликнул телефон, оповещая о том, что пришло сообщение. Она тут же кинулась к нему, как будто от этого сообщения зависела вся ее жизнь, лицо мгновенно загорелось интересом.

— На смс-ки у тебя почему-то всегда есть деньги, — буркнула Наташа.

— Что? — быстро-быстро тыкая пальцем в телефонные кнопки, не слушая, переспросила мама.

Девочка не ответила. Усилием воли она подавила в себе это глупое восстание и, подхватив на руки кота, который, выпрашивая внимание, терся у ее ног, ушла в комнату с неработающим телевизором и расправила себе кровать. Спать ей еще не хотелось, но и с мамой разговаривать тоже.

Ну почему жизнь так несправедлива? Почему Светлана Михайловна придумала это дурацкое дефиле? Как будто нельзя было придумать что-то другое! Почему у мамы вечно ни на что нет денег? Почему папа не приезжает к ней? Ну, допустим, поссорились они когда-то с мамой. Так поссорились, что на всю жизнь. Но она-то, Наташа, разве в чем-то виновата перед ним? Мог бы хоть письмо написать. И в конце концов, почему Сашка Лазарев не обращает на нее никакого внимания? Ну хоть бы... ну хоть бы ручку попросил на уроке. Или карандаш.

Накрывшись одеялом с головой и свернувшись калачиком на холодной простыне, Наташа притянула к себе теплого кота. Кот прижался к ее животу, замурчал от удовольствия. Как, должно быть, ему хорошо живется! Никаких проблем.

На следующий день в школе, не успела она зайти в класс, к ней подступили Дашка Сорокина и Лизка Пирогова и потребовали объяснений:

— Колесникова, ты почему вчера не пришла на репетицию?

— Я... забыла, — пролепетала Наташа первое, что пришло в голову.

— Забыла она! Значит, на лбу себе записывай: завтра в четыре! Поняла?

— А вы ей сами на лбу напишите, чтобы точно не забыла, — хохотнул пробежавший мимо Ванька Пашков. За ним пробежал Сашка Лазарев и тоже засмеялся.

— В следующий раз так и сделаем, — наставительно произнесла Дашка.

Наташу всегда злил этот ее тон: возомнила себя самой главной в классе! Но сейчас куда сильнее задел Сашкин смех. Получается, Сашка был как бы заодно с ними, по другую сторону от нее.

На уроке, а это был урок истории, она присутствовала только физически, мысли снова унесли ее в спасительный мир иллюзий.

На этот раз она тяжело заболела, и ее увезли на скорой в город. Оказалось, что у нее больное сердце, ей сделали операцию и кое-как спасли. Когда вернулась домой, похудевшая, осунувшаяся, одноклассники стали относиться к ней с некоторой опаской и уважением. Никто не обзывался и не толкался. Дашка с Лизкой вообще обходили за два метра. Сашка тоже долго не знал, как к ней подойти. Наконец решился. Подошел, когда она одиноко стояла у окна в школьном коридоре, рисуя на запотевшем стекле ромбики и кружочки. Он виновато склонил свою белобрысую голову и сказал:

— Ты это... извини меня, что я тогда над тобой смеялся. Я же не знал, что у тебя сердце больное.

— Да ладно, — великодушно ответила ему Наташа. Но, против на словах, в душе все равно не простила. Быстро-быстро зачеркнув пальцем свои «художества», она отвернулась и пошла по коридору, гордая и независимая...

Мечты утешают, но, к сожалению, не решают проблем. Платья у нее не было и не будет, как и шляпки тоже. Наташа могла бы еще признаться в этом Светлане Михайловне один на один, но сделать это перед всем классом было неимоверно стыдно и унижительно. Как назло, Дашка с Лизкой постоянно крутились рядом с учительницей. Оставалось два варианта: либо пропускать репетиции и каждый раз придумывать в оправдание уважительные причины, либо ходить на них, но в итоге пропустить сам праздник. Она про-

мучилась все шесть уроков и половину дороги домой, не зная, какой из вариантов выбрать. Ни тот, ни другой не подходили ей. Она и сама толком не понимала, почему, но подсознательно чувствовала, что вряд ли у нее хватит душевных сил на такое длительное вранье.

Решение пришло неожиданно, как будто кто-то невидимый, не вытерпев ее мучений, шепнул на ухо: «Нужно на самом деле заболеть! Ангиной, например».

«Точно!» — обрадовалась Наташа подсказке этого невидимого. Ей тут же вспомнилось, как в первом классе она однажды наелась сосулек, чтобы проверить, действительно ли от этого можно заболеть. Эксперимент оказался удачным: на следующий же день у нее подскочила температура под сорок и ее положили в больницу. В больнице Наташе не понравилось, поэтому подобных экспериментов она больше не повторяла. Но сейчас это было необходимо сделать, чтобы спастись от ненавистного дефиле.

Девочка остановилась у первого же сугроба. Солнце уже оплавило его, покрыло ломкой, хрустящей корочкой. Она аккуратно отломала себе причудливый многоугольник и стала откусывать от него маленькие кусочки. Один за одним она проглатывала и проглатывала их, не обращая внимания на ломившие зубы. Для лучшего эффекта развязала шарф и расстегнула молнию на куртке до груди, чтобы ветер получше продул шею. До дома она успела съесть около десятка таких ледяных корочек. Последнюю доедала, уже стоя на крыльце.

Вдруг дверь распахнулась, и из сеней вышла мама в старой замусоленной куртке, в которой обычно ходила за дровами. Застав дочь за ее занятием, она сначала даже растерялась, а потом зло и одновременно испуганно закричала:

— Ты что делаешь?! Заболеть хочешь?!

Наташа сжалась от страха на какую-то долю секунды, но потом на нее нахлынула непонятно откуда взявшая смелость и она с вызовом ответила:

— Да, хочу!

— Ты что, чокнулась, что ли? — мама непонимающе округлила глаза.

— А что мне остается делать? У всех есть и платья, и шляпки, только у меня одной вечно ничего нет! Со мной и так уже никто об-

щаться не хочет, потому что мы бедные! — выбросив недоеденную ледышку, она прошмыгнула в дом, злорадно подумав, что до самого девятого марта не будет ходить в школу, неважно, заболит или нет.

Мама не разговаривала с ней до вечера, и сначала Наташе казалось, что она сердится, но потом стало ясно, что она просто погружена в себя и о чем-то думает.

Вечером после работы, переделав все незамысловатые дела по хозяйству, мама достала из шкафа старую, еще прабабушкину, швейную машинку, тяжело взгромоздила ее на обеденный стол и тщательно протерла от пыли. Затем извлекла из недр шифоньера свое единственное бирюзовое платье, которое надевала очень редко, может быть, раз в год, а то и реже. Платье было совсем простенькое, прямого покроя, с бело-голубым колье на вырезе. Положив на стол, она задумчиво и нежно разгладила его руками, словно это оно было живое, и подозвала к себе дочь.

— Ну-ка, надень.

— Оно же мне большое, — вяло произнесла Наташа.

— Я попробую его перешить.

Наташа слабо верила, что из этой затеи что-то действительно может получиться, но послушалась, надела. Платье повисло на ней почти до самых щиколоток, будто мешок с прорезями для головы и рук. Мама оглядела ее со всех сторон, не очень уверенно, тоже, видимо, сомневаясь, опустила на колени и принялась поочередно подворачивать его то в поясе, то по бокам, пытаясь определить, где сколько нужно отрезать и где насколько приподнять.

— Мам, а ты как?

— Что — «как»?

— Ну как ты будешь без платья?

— Я? — мама удивилась ее вопросу. — Да я его и не ношу почти. — И, помолчав, добавила так тихо, словно не хотела, чтобы кто-то кроме нее самой расслышал: — Так, храню, как память...

У Наташи пошли мурашки от любопытства.

— О ком?

— О своей матери, твоей бабушке. Она мне это платье подарила.

На следующий день Наташа пошла в школу с першением в горле и с легкостью в душе. Хоть платье еще не было готово, но теперь

она уже не сомневалась, что у мамы все получится. К тому же ей очень нравился его бирюзовый цвет. Правда, еще ничего не было ясно со шляпкой, но, наверное, мама уже что-то придумала...

— Слышь, Колесникова, ты про репетицию не забыла? — подошли к ней на перемене Дашка с Лизкой.

— Представьте себе, не забыла! Но все равно спасибо, что вы так волнуетесь обо мне, — съехидничала Наташа.

Больше она не пропустила ни одной репетиции (горло, попершив несколько дней, прошло), и усердно повторяла танец дома перед зеркалом, когда ждала маму с работы. Ей необходимо было отточить все движения так, чтобы выступить ничуть не хуже Дашки с Лизкой, а может, еще и лучше. И кружась по тесной комнате, то и дело стучаясь коленкой о кровать и задевая рукой тумбочку, на которой стоял сломанный телевизор, она воображала себя блистающей на сцене школьного актового зала.

Все зрители, а особенно Сашка Лазарев и Светлана Михайловна, восторженно наблюдали за ней. А когда после вечера весь класс собрался в своем кабинете, и Дашка с Лизкой, подбежав к учительнице, как две собачонки, преданно заглядывая ей в глаза, спросили, кто танцевал лучше всех, она ответила с улыбкой:

— Девочки, вы все хорошо танцевали, но лучше всех — Наташа Колесникова.

Они обиженно надулись и чуть не лопнули от расстройства. Мальчишки посмотрели на Наташу с уважением, а Сашка сказал:

— Молодец, Наташка! Утерла им носы, а то ходят всегда такие важные...

Наконец наступил день первого Наташиного дефиле.

Дома, собираясь на школьный вечер, она то и дело весело заглядывала на себя в зеркало. Перешитое платье сидело почти идеально, разве что было немного широковато в талии, и с левого бока свисало чуть ниже, чем с правого. На голове — старая соломенная шляпа, найденная в заваленной разным хламом кладовке. Мама пришила по нижней части тульи бирюзовую полоску ткани, соорудила из обрезков некое подобие розочки, и получилось довольно элегантно.

Но когда Наташа пришла в школу и посмотрела своих одноклассниц в настоящих, магазинных, платьях, с накрашенными по-взрослому глазами, с завитыми волосами, радость ее лопнула, как воздушный шарик, наткнувшийся на сучок, и осталась от нее в душе только унылая безжизненная тряпочка.

Пятый класс объявили первым. Их танец был поставлен таким образом, что сначала девочки выходили по очереди из задних кулис, проходили до края сцены, демонстрируя шляпки, затем вставали каждая на свое, оговоренное заранее место. После музыка менялась на более ритмичную, и тогда они начинали танцевать. Наташин выход был где-то в середине. Сначала она просто слегка волновалась, но по мере его приближения, волнение стремительно разрасталось и за считанные секунды переродилось в такой дикий ужас, что ей стало трудно дышать, из головы исчезли все мысли, а ноги она и вовсе перестала чувствовать, как будто они решили жить собственной, отдельной от нее жизнью. Когда подошла Наташина очередь выходить, они с неожиданной легкостью вынесли ее на сцену... и вдруг налились каменной тяжестью, приросли к полу. Зрительный зал ослепил ее сотнями глаз. Наташа с удивлением ощутила, что не только ноги, но и все ее тело больше ей не подчиняется. Со всех сторон зло зашипели голоса одноклассниц:

— Колесникова, ну чё встала?!

— Дура!

— Ну давай дальше!

— Да пните ее кто-нибудь!

— Молись, Колесникова!

Общими усилиями им удалось сдвинуть Наташу с места. Оцепенение понемногу стало отпускать, но тело осталось тяжелым и неповоротливым. Кое-как она дотащила его до края сцены, потом до своего места в танце. Теперь ей было уже не до того, чтобы выступить лучше Лизки с Дашкой. Кружение, которое с таким упоением она репетировала дома, здесь, на сцене, оказалось сущим мучением. Ее шатало из стороны в сторону, как пьяную, колени дрожали и не разгибались. Со стороны она, наверное, выглядела, как цапля на болоте.

Это был самый отвратительный день в ее жизни.

После выступления Лизка с Дашкой в классе устроили ей «разбор полетов». Они оттеснили ее в угол между доской и дверью, словно две ожившие куклы из фильма ужасов — сами в чудесных, милых платьицах, а лица обезображены яростью. Остальные девочки не вмешивались, только наблюдали, но было ясно, что все они заодно.

— Колесникова, ну что ты вечно позоришь наш класс?! — сквозь сжатые зубы прошипела Лизка. — Мало того, что одета, как зачуханка, так еще и выступить нормально не можешь!

Дашка сорвала с Наташиной головы шляпку и брезгливо сморщила нос:

— Ты на какой помойке ее нашла?

Наташе казалось, что еще немного, — и они набросятся и расцарапают ей ногтями лицо. Мало того, ей казалось, что они имеют на это право. Поэтому смиренно стояла перед ними, опустив голову и даже не делая попыток хоть как-то постоять за себя.

— Ну что ты стоишь, как истукан? — Дашка толкнула ее в плечо, требуя хоть какой-нибудь реакции на свои слова.

Наташа молчала.

— Если только мы не займем никакого места, — угрожающе, с расстановкой процедила Лизка, — пеняй на себя! Лучше тогда тебе будет либо уехать отсюда, либо остаться на второй год, — в ее глазах сверкнули две злющие молнии, — потому что я тебя в своем классе терпеть больше не намерена! Поняла?

Наташино молчание вывело Дашку из себя и она закричала ей прямо в ухо:

— Ты поняла или нет?! Отвечай! Мы тут с кем разговариваем, сами с собой, что ли?!

Ответить Наташа не успела. Дверь открылась и в класс зашла Светлана Михайловна.

— Вот вы где! А я думаю, куда вы все подевались.

Увидев Наташу с понуро опущенной головой и пышущих яростью Дашку с Лизкой в углу кабинета, она встревоженно спросила:

— А что у вас тут происходит?

— Ничего, мы просто разговариваем, — быстро ответила Дашка и грубо пихнула Наташе в руки ее шляпку.

Светлана Михайловна, конечно же, все поняла. Она подошла к Наташе и ободряюще приобняла ее за плечи, окутав сладким облаком своих духов.

— Девочки, — примирительно сказала она, — Наташа просто переволновалась, и мы с вами должны поддержать ее в этой ситуации, а ни в коем случае не осуждать. Знаете, когда я была маленькой, чуть помладше, чем вы сейчас, со мной случилась точно такая же история, даже еще хуже.

Девочки приготовились слушать, а у Наташи от горячей благодарности к учительнице, такой горячей, что до боли обожгло все внутри, предательски задрожал подбородок и выступили слезы. Она еще ниже опустила голову, в надежде, что одноклассницы этого не заметят.

— Родители отдали меня в школу искусств на пение, — продолжала Светлана Михайловна, — преподаватели хвалили, сначала в детский хор меня поставили, а потом решили сольную песню дать. На репетициях я пела прекрасно. Но вот пришло время выступления, я вышла на сцену и, увидев, как много людей смотрит на меня, так жутко перепугалась, — тут она улыбнулась своим воспоминаниям из детства, было видно, что сейчас они кажутся ей забавными, — ведущий объявил меня, музыка заиграла, люди песню ждут, а я головой мотаю и говорю: «Нет, не буду петь. Я передумала!» И все это в микрофон. Ну тут весь зал грохнул от хохота. Я убежала со сцены, только пятки засверкали.

— А потом что? — заволновались девочки.

— А потом на следующем концерте я все же пересилила свой страх и спела. И после этого у меня было еще много выступлений и вокальных конкурсов, где я занимала призовые места. Так что... — она потрепала Наташу по плечу, — не зря же народная мудрость гласит «первый блин комом».

Наташа хоть и совладала со своими слезами, но не утешилась, ей совсем не стало легче оттого, что ее первое дефиле превратилось в горелый скомканный блин. Ведь ни у кого не превратилось, только у нее одной. И почему она родилась такой несчастной? Только всем все портит. И места из-за нее никакого не заняли. И у мамы жизнь не сложилась. Поехала бы в город, устроилась бы там, встретила бы человека. А куда она поедет, на кого ее, Наташу, оставит?

Вот и платья единственного своего лишилась. А она даже выступить нормально не смогла.

Когда Наташа приплелась домой, мамы не было, она уже ушла на дойку. На столе вместо привычной записки с указанием что-либо сделать лежала плитка шоколада.

Перед тем как переодеться, девочка еще раз посмотрела на себя в зеркало. И с чего она взяла, что платье сидит на ней идеально? Оно висело на ее худой фигурке криво и несуразно. А шляпка, потемневшая от пыли и долгого времени, проведенного в захлавленной кладовке, выглядела так, как будто ей уже больше ста лет.

Она сняла свой наряд и, небрежно свернув, засунула в дальний угол на своей полке в шкафу. Даже не прикоснувшись к шоколадке, забралась с ногами в продавленное, давно уже не мягкое кресло и прикрыла глаза. Как она, оказывается, устала за все это время!

— Ну как все прошло? — первым делом поинтересовалась мама, вернувшись с работы.

Наташа посмотрела на нее, худую, маленькую, уставшую, и подумала, что незачем ей знать, какая у нее трусливая и неуклюжая дочь.

— Нормально, — ответила нейтральным тоном.

— А что девочки сказали про платье?

Наташа знала, что говорить неправду — нехорошо. Но разве будет хорошо, если она скажет такую правду?

— Они сказали: «Какое красивое платье! За сколько вы его покупали?» — само собой слетело с языка.

Совесь ущипнула ее где-то в животе.

— Правда?! — обрадовалась мама. — А ты что?

— Я сказала, что ты сама его сшила.

— А они что?

— Удивились. Даже не поверили сначала.

Мамино лицо просияло. В доме стало светлее, как от дополнительной лампочки. И в душе у Наташи тоже стало светлее.

«Ну что ты щиплешься? — спросила она у своей совести. — Кому станет плохо, если у моей мамы в жизни будет на одно огорчение меньше?»

Совесь притихла. Ей нечего было ответить.